

ограничиться компетентностью правоприменителя. Однако представляется недопустимым судить о совестности поведения одного человека с позиции, основанной исключительно на совести другого.

Совесьть, нравственность, справедливость – критерии, не носящие нормативного характера. Они изменчивы. Недопустимо требовать от субъекта поступать по совести. Это исключительно добровольное решение, к чему можно лишь призывать. Совесьть – это очень личное. Данное явление не охватывается нормами права. Следовательно, находясь в сфере правовых отношений, носит факультативный характер. Н.А. Колоколов в связи с этим пишет: «Совесьть – понятие не совсем правовое, да и у каждого свое понимание совести, ранжировать же совесьть правовыми мерами – занятие совершенно бессмысленное». Н.Н. Поплавская справедливо отмечает: «Совесьть – абстрактное понятие. Каждый человек вкладывает в него свое субъективное значение, причем большую роль играет мировоззрение личности, уровень культуры и интеллекта». Категория совести имеет большую социальную ценность, но почти не имеет определенных параметров, а потому трудно оценивается и контролируется. Совесьть оказывается слишком привязанной к конкретному человеку со всеми его лучшими и худшими качествами как личности, а потому этот нравственный критерий является чрезвычайно субъективным и не может использоваться при оценке доказательств.

На основании изложенного необходимо сделать вывод, совесьть не является и не должна выступать критерием вынесения законного и обоснованного процессуального решения.

УДК 343.1

Н.В. Калмыкова

О ЦЕЛИ И МОТИВАХ ЗАДЕРЖАНИЯ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОЗНИКШЕМУ ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Решение задач уголовного судопроизводства обеспечивается целым комплексом мер, среди которых особое место занимают применяемые органом, ведущим уголовный процесс, меры уголовно-процессуального принуждения, которые представляют собой меры принудительного характера, призванные пресечь и предупредить совершение преступления, устранить противодействие ведению производства по уголовному делу.

К этим мерам относится и задержание, которое в ч. 1 ст. 107 УПК Республики Беларусь определено как комплексное действие, состоящее

в «фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом».

Сущностью задержания является кратковременное содержание лица под стражей без предварительного разрешения руководителя следственного органа, прокурора или суда.

Цель задержания законодательно не определена, хотя именно она позволяет отграничить задержание от таких процессуальных действий, которые могут сопровождаться применением принуждения, как следственные действия, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения. Не определены в законе также цели конкретных видов задержания – задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления; задержания обвиняемого для предъявления обвинения; задержания обвиняемого на основании постановления органа, ведущего уголовный процесс, до заключения его под стражу; задержания осужденного до разрешения вопроса об отмене условного неприменения, отсрочки исполнения наказания и условно-досрочного освобождения от наказания.

Общей целью задержания, по мнению В.В. Мелешко, является предотвращение готовящегося или пресечение совершаемого преступления, а также исключение совершения новых преступлений, обеспечение участия подозреваемого, обвиняемого или осужденного в уголовном процессе путем кратковременного лишения его свободы, решение вопроса о применении к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу, привлечения его в качестве обвиняемого.

Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления согласно формулировке К.Б. Калиновского осуществляется с целью: проверки подозрения, установления причастности или непричастности лица к совершению преступления и определения наличия оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Несколько иначе формулируют цель этого вида задержания В.В. Бабурин и П.Л. Сурихин, определяя ее как создание благоприятных условий для установления причастности лица к совершению преступления и принятия обоснованного решения о заключении данного лица под стражу. Вывод по рассматриваемому вопросу указанных авторов представляется логичным.

Действительно, само задержание не может проверить подозрение в совершении преступления задерживаемым лицом, установить его причастность или непричастность к совершению преступления и определить наличие оснований для применения к данному лицу меры пресечения в виде заключения под стражу, но может создать для этого благоприятные условия.

Мотивом данного вида задержания являются опасения, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может воспрепятствовать производству по делу (скрыться, продолжить преступную деятельность, помешать установлению истины по делу, угрожать свидетелю, иным участникам процесса, уничтожать доказательства и др.).

Законодательное определение целей задержания, в том числе задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, будет способствовать правильному применению закона и защите прав лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу. Недопустимо задержание подозреваемого для допроса или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, так как в этих случаях преследуется иная цель применения меры процессуального принуждения.

Требование об указании цели и мотивов задержания в процессуальных документах, составляемых в ходе задержания (протокол задержания и постановление о задержании), должно быть зафиксировано в ст. 110 УПК, регламентирующей процессуальный порядок задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. Выполнение этого требования будет способствовать самоконтролю лиц, осуществляющих задержание, поможет выявить процессуальные нарушения, повысит эффективность ведомственного контроля и прокурорского надзора за соблюдением законов при применении данной меры процессуального принуждения.

Если подозрения в совершении преступления не подтвердились, задержанный подлежит освобождению. Это один из процессуальных результатов задержания, который свидетельствует о реализации цели задержания данного вида и не означает его незаконность. Задержанный также освобождается, если отпали основания дальнейшего содержания лица под стражей; орган, ведущий уголовный процесс, установил, что задержание произведено с нарушениями требований, установленных УПК; истек срок задержания (ч. 1 ст. 114 УПК).

Анализ оснований освобождения задержанного иллюстрирует значение предложения о дополнении ст. 110 УПК указанием о цели и мотивах задержания.

Задержание всегда сопряжено с существенным ущемлением прав лица, подвергаемого задержанию. Задержанный лишается свободы передвижения, общения, распоряжения имущественными правами, ему причиняются неисчислимы нравственные и физические страдания, поэтому столь большое значение имеет законность задержания, соблюдение прав задержанного. В ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах провозглашено: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произ-

вольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены в законе».

Совокупность обстоятельств задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, включающая наряду с основаниями и процессуальным порядком задержания данного вида его цель и мотивы, определяет законность применения данной меры процессуального принуждения. Четкое, не допускающее двойного толкования определение их в законе будет способствовать защите прав личности, достижению целей уголовного преследования и уголовного процесса в целом.

УДК 341.1

Ю.С. Климович

О ПОЯВЛЕНИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В августе 2013 г. на совещании под руководством Президента Республики Беларусь по вопросам дальнейшего совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства обсуждались перспективы внедрения в отечественное законодательство института досудебного соглашения о сотрудничестве. По сообщениям средств массовой информации новация вызвала дискуссию среди экспертов, в результате чего было принято решение представить разработанный по данной тематике законопроект на обсуждение депутатам и юридическим кругам. В связи с этим хотелось бы высказать некоторые суждения по поводу отдельных положений проекта будущего нормативного правового акта.

В предлагаемой авторами законопроекта редакции ч. 3 ст. 468⁶ УПК запрещается заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, если содействие подозреваемого (обвиняемого) будет выражаться в сообщении сведений лишь о своем участии в преступной деятельности. Исходя из редакции нормы можно сделать вывод о том, что помощь в раскрытии и расследовании преступлений со стороны лиц, их совершивших, возможна только по тем уголовным делам, где имеются соучастники преступлений. Кроме того, на это указывает содержание п. 6 ч. 2 ст. 468⁸ предлагаемой законопроектом редакции УПК, предписывающего включать в содержание соглашения обязательства подозреваемого (обвиняемого) о совершении действий по изобличению других